

М и х а и л М о с к а л е в

ПРОГУЛКА

Рассказ-свалка

Мы постояли под колоннадой Дворца Правосудия, опрокинули пару стаканов в “Улипо”, посмотрели на одуревших от жары собак, в беспорядке разлегшихся на Центральной Городской Лужайке, и двинулись в путь. Не было смысла брать с собой еще и оставшееся от вчерашнего ужина заливное, поэтому мы ограничились всего лишь несколькими стрижами (выбрав, однако, только тех, чьи языки были самыми сочными) шоколадным мороженым и двумя пиастрами. Кто-то (не думаю, чтобы это был я) сказал, что перед отправлением следует обязательно наведаться в Археологический музей или в какую-нибудь антикварную забегаловку и прикупить старинного барахла, однако из-за того, что погода в этот день обещала, казалось, умертвить все живое, даже на такую ерунду времени не оставалось. Места были незнакомыми, таблички на домах почти не поддавались прочтению, поэтому стоило поглядывать под ноги и не надеяться на бинокли и астролябии. Ситуация усугублялась еще и тем, что чертова куча понатыканных повсюду беспрестанно звенящих и дребезжащих телефонных будок не сулила некоторым из нас ничего хорошего. В другой раз я бы наверняка отказался от этой идеи и засел в своей комнате, время от времени высовываясь в окно, чтобы поглазеть на шныряющих туда-сюда орущих и вопящих аскалабов и геморроидов (клянусь, в иные дни они запросто уместились бы под моим языком), но власти то и дело угрожали прикрыть аттракционы, поэтому как бы то ни было и во что бы то ни стало нужно было взглянуть на них в последний раз.

Стоит ли говорить, что как только мы тронулись в путь, все смешалось и представилось в новом свете: улицы мгновенно сменили свое направление и наполнились *monstri magni incredibiles*. Погода ухудшилась, а потом совершенно прекратилась. В новостях переда-

ли сообщение о запрете на некоторые виды птиц и связанных с этим изменениях в меню ресторанов. И хотя дождь давным-давно закончился, прохожие открыли зонтики и застыли в угрожающих позах. Под их худосочными пальто и шляпами не было ничего кроме тщедушных и угрюмых тел, от которых мы не ждали ничего хорошего.

Едва мы дошли до школы (хотя, возможно, это была больница или тюрьма), появились первые сомнения. Кто-то предложил свернуть направо, в сторону городского парка (хотя, возможно, это был просто сад или чей-то лес), кто-то настаивал на том, чтобы идти прямо, в сторону ломбарда (его недавно перекрасили, и он походил на заливной лужок), кто-то (вполне возможно, что это был я) советовал вернуться обратно в кафе. Мы перешли на другую сторону улицы, мы свернули, мы покружили вокруг городского фонтана, мы поднялись по лестнице вверх, спустились вниз, вышли наружу и, едва оказавшись на бульваре, увидели ее.

Она совершенно не изменилась за все те годы, что нас здесь не было: такая же высокая, неприступная и молчаливая. Рядом, как всегда, толпа пьющих и смеющихся бездельников, никто из которых не обращает на нее никакого внимания, словно это не Колонна в центре большого города, а какая-нибудь занюханная провинциальная каланча.

В былые времена пройти мимо нее было делом если и неопасным, то весьма и весьма проблематичным. Рассказывали разное и не всегда правду: разбитые вдребезги сердца, кровавые жертвоприношения, шабаша, измена родине, непонятная сексуальная ориентация — в громадной тени, которую отбрасывала колонна сразу в нескольких направлениях, все могли найти занятие по душе. Настоящий рай для людей, располагающих временем и средствами. Однако с тех пор все изменилось: с колонной что-то произошло, тень вокруг нее обмельчала и больше не могла покрывать разные грязные делишки. Все те, кто входил в тайный синдикат любителей непристойностей и запретов, выродились в банальных пьянчуг, которые теперь и ошивались вокруг своей бывшей благотельницы в ожидании лучших времен. Иногда тень указывала на места, где можно было бы пожить чем-нибудь интересным: от краденых магнитофонов до запрещенных церковью книг. Надо было только вовремя сообразить в чем дело, а потом не зевать и сразу же бросаться в то место, на которое она указывала. Чем, добравшись

до колонны, мы немедленно и занялись. Мы остановились возле какого-то столика, заставленного кружками с недопитым пивом, и принялись внимательно наблюдать. Какой-то бездельник попытался выпросить у нас пару монеток, но в ответ мы разразились такой бранью, что он немедленно ретировался. Минут через пять нашего ожидания тень от колонны, беспорядочно разбросанная по всему бульвару, слепилась в огромную стрелку, кончик которой лег точно в направлении Большого проспекта. Уворачиваясь от сигаретных бычков, которые сразу же стали кидать в нас наши менее удачливые конкуренты, мы ринулись вперед, в сторону проспекта. Это заняло буквально несколько мгновений — ничто по сравнению с длиной человеческого существования и тем бесконечным наслаждением, которое ожидало нас в конце пути. Тем не менее, этот отчаянный рывок стоил некоторым из наших их пусть не совсем человеческих, но жизней. Одни остались лежать в неестественных позах под грудой свалившихся на них окурков, другие просто рассеялись в дрожащем мареве июльского воздуха.

Несколько уменьшившись в количествах, мы оказались на Большом проспекте. Надо сказать, что проспект, несмотря на свое название, во-первых, вовсе не был большим, а во-вторых, вовсе не был проспектом. Все об этом знали, все удивлялись, но вслух никто ничего не говорил. Никогда. Было неприятно идти вдоль чего-то, что без зазрения совести называлось чужим именем, но ничего другого не оставалось. Это был единственный путь, и мы должны были пройти его до конца.

Поначалу все было вроде как неплохо: мы шли, размахивая руками и ни о чем не думая. Таксисты приветливо встречали нас автомобильными гудками, девушки бросали кокетливые взгляды и мило улыбались. Мы даже пытались заговорить с ними, но они, все так же мило улыбаясь и кокетничая, уносились прочь. Однако через некоторое время снова начались неприятности. Мы стали напарываться на морские якоря, спотыкаться о ведра, из которых во время падения выливалась грязная мыльная пена, а затем наши уши заложило от криков невесть откуда взявшихся детей. Смутно мы начали понимать, что дальше будет только хуже, но дороги обратно не было. Насекомые касались наших голов своими омерзительными крылышками. Тиканье часов и шум пролетающих птиц не внуша-

ли ничего кроме ужаса и отвращения. Иногда нас спасали заранее припрятанные апельсиновые корки и яичная скорлупа. Однако по мере того как их запасы уменьшались, уменьшались и наши надежды добраться до аттракционов. Мы преодолели всего три квартала, тридцать домов, девяносто три окна, как обрушившийся на нас град, каждая градина в котором была, очевидно, не меньше шарика для пинг-понга, загнал нас в душную сырую темную подворотню.

Мы оказались посередине: слева, в двухстах шагах от нас, был мост, справа, чуть подалее от Управления Парков, — галантерея и бильярдная. Можно было попробовать иные пути отхода: через решетку, отделявшую мостовую от канализации, или вверх через гнилые от многочисленных надписей потолки к крышам и трубам города. Существовал, однако, и третий путь — единственный, до которого додумались все и сразу. Нас стало много, и мы почти не могли двигаться в узком пространстве.

Кого-то съели сразу. Кто-то, обезумев от страха и неожиданности или приятного ощущения от переваривания себе подобного, незамедлительно грохнулся в обморок, кто-то (но таких было большинство) принялся изрыгать проклятья и ругательства.

Неожиданно нагрянул вечер. Часы на ратуше пробили 7 раз, колокол на старой колокольне — 8, кукушка из часов в доме напротив — 9. Женский голос из ближайшего громкоговорителя объявил, что в четвертом забеге победил пятый номер.

После еды нас стало еще меньше, и мы вздохнули с некоторым облегчением. По правде сказать, более или менее в сносном состоянии, хоть и понадкусанный в нескольких местах, остался только я. Мостовая возле меня представляла собой довольно неприятное зрелище: обглоданные кости, куски мяса, кровь. Признаться, я заметил весь этот ужас, только когда в животе немного успокоилось после обильной трапезы. Я почувствовал дурноту и, не желая случайно опустошить желудок, выскочил из подворотни и побежал.

Я бежал что есть мочи по тротуару, расплескивая воду из луж и давя выползающих из земных трещин червей. Мимо мелькало что-то полицейское, какие-то старухи с пирожками, лопаты с дворниками, женщины с колясками. Через пять минут такого истерического бега вдалеке, над крышей планетария, показался кусочек огромного колеса обозрения. Вокруг него витало плотное облако детских криков. Это радостные родители, оказавшись в самой высокой из до-

ступных им точек города, выкидывали своих чад из кабинок наружу. Я был почти у цели.

Оставалось только преодолеть пару кварталов и перемахнуть через ограду парка аттракционов. Внутренний голос постоянно нашептывал мне что-то обнадеживающе-укрепляющее. Сердце страшно удалялось о ребра. Будущее представлялось в самом радужном свете.

Оказавшись у ограды, я зацепился за прутья и стал перелезать через нее на территорию аттракционов. Что-то немедленно впилося в мою штанину и, грозно рыча, стало тянуть вниз. Я повернул голову. Это был кто-то из наших, превратившийся в собаку.

— Кыш, — гаркнул я что есть мочи и двинул ему свободной ногой в морду.

Животное, жалобно скуля, отлетело и исчезло за облаками вместе с моей стопой в зубах.

Я не успел обратить на это внимания, так как меня ждала потеря гораздо более серьезная. Очутившись по ту сторону ограждения, я обнаружил, что моя правая (она же левая) рука безвыходно застряла между прутьев, и высвободить ее не представляется никакой возможности. Черт с ней, подумал я и что есть силы рванул прочь от ограды, оставляя руку бесстыдно висеть на виду у всех прохожих. Напоследок пальцы на руке сложились в изящнейший кукиш, который не мог предназначаться никому кроме меня.

Что и говорить, до аттракционов я добрался в жалком состоянии. По дороге мне пришлось отдать свои уши нищим, которые исподтишка выпрашивали милостыню, притаившись в зарослях кустарника, волосы выклянчила какая-то старуха на свитер, как она сказала, своему сыночку, кишечник я подарил трем девочкам, которые сразу же растянули его и стали прыгать как через скакалку. «Эй, стервцы, кому желудок?» — крикнул я в припадке щедрой свирепости, и на мои слова сразу же откликнулась если не красотка, то весьма симпатичная особа в юных годах. Куда подевались сердце, пальцы, глаза, грудная клетка и все остальное я толком не помню. Я пожалел, что еще в детстве мне вырезали гланды и аппендицит, так как я мог бы отдать их вместо селезенки и печени. К концу пути я представлял собой прекрасное наглядное пособие для логопеда: горло, ротовая полость с болтающимся между двумя ее половинками языком, губы и носовые пазухи, с помощью которых я выводил прекраснейшие рулады и назальные звучки. Когда я появился в та-

ком виде около кассы, в очереди послышались возгласы удивления, смешанного с ужасом. Кассирша взглянула на меня с нескрываемым чувством отвращения.

— Иле, — потребовал я несколько изменившимся из-за недостающих органов голосом.

Кассирша затряслась и громко произнесла:

— Да как вы смеете...?

— Иле, оалуйа, — сказал я более настойчиво.

— Что? — взревел какой-то бугай. — Что нужно этому чучелу?

Я, как мог, развернулся и хотел было ответить грубияну, но тут какая-то толстуха с двумя авоськами, взвизгнув от неожиданного зрелища, каковой представляла собой моя попытка проучить зарвавшегося наглеца, сделала неловкое движение ногой и раздавила меня каблуком своей туфли.

